

Цуй Сяню казалось, что вокруг невыносимо душно и жарко. Открыв глаза, он увидел потолок, оклеенный старыми газетами - весь пёстрый, разноцветный.

Он на мгновение замер, а затем вспомнил: они с дедом переехали сюда уже несколько лет назад. Эти газеты дед выпросил у тётушки с окраины деревни, потому что маленький Цуй Сянь пожаловался, что потолок здесь слишком тёмный и ему страшно, когда ночью он просыпается и открывает глаза. Тогда дед за одну ночь оклеил газетами весь потолок, даже окна не оставил без внимания.

Цуй Сянь сел. Руки и ноги у него были короткими, детскими, и ему пришлось изрядно повозиться, прежде чем он сумел сползти с глиняного кана. Затем совершенно естественно позвал:

— Дедушка? Дед?

Снаружи послышались знакомые шаги, и старик, несший на спине огромный каменный жернов, с улыбкой ответил:

— Эй, дед здесь. Сяньвацзы, дед новый жернов сделал, буду тебе зерно в муку молоть.

Маленький Цуй Сянь ухватился за дверной косяк, высунув наружу только половину тела, и радостно закивал, но в следующую секунду снова немного приуныл.

— Дед, а папа где? Он ведь говорил, что сегодня вернётся.

Руки деда, державшие каменный жернов, не остановились, но в глаза Цуй Сяню он так и не посмотрел.

— У твоего отца в последнее время опять много дел. Подожди ещё немного.

Маленький Цуй Сянь послушно не стал больше настаивать. Вместо этого он побежал обратно в дом и осторожно вынес коробку из-под обуви, накрытую одеялом с Дораэмоном, словно собирался показать деду настоящее сокровище.

— Дед, смотри! Я утром нашёл в дупле у входа в деревню восемь котят!

Лицо деда тут же изменилось. Он сразу поставил жернов, быстро сложил пальцами заклинательный жест, принял коробку и осторожно приподнял одеяло. Внутри оказался целый выводок котят, которым не было и месяца, - целых восемь. Все как один были совершенно чёрными, с жёлтыми глазами и двумя хвостами.

Это был выводок духовных зверей - большая редкость.

Каждую неделю дед обходил окрестности деревни. Он действительно знал, что возле речной низины жила пара духовных кошек, но они не причиняли людям вреда, поэтому он их не прогонял. Убедившись, что это именно их котята, дед наконец облегчённо выдохнул.

— Покажи деду то дупло. Эти восемь малышей явно хорошо выкормлены, у них есть и отец, и мать. Не хватало ещё, чтобы взрослые кошки вернулись и не нашли своих детёнышей.

Дед с внуком отнесли котят к дуплу у входа в деревню. Дед заглянул внутрь и не увидел никаких следов взрослых кошек, зато заметил на земле кровь. Он тут же поспешно отвёл Цуй Сяня домой, запер двери и окна и один отправился к речной низине. Судя по всему, с парой духовных кошек там что-то случилось, и, даже будучи ранеными, они из последних сил перетаскивали детёнышей внутрь защитного барьера, который дед установил вокруг деревни, надеясь тем самым уберечь их.

Цуй Сянь остался дома ждать деда. Делать было нечего, и он привязал семи котят на шею цветные шнурки семи разных цветов. Но когда очередь дошла до восьмого, шнурки закончились. Тогда Цуй Сянь погладил котёнка по голове и утешил:

— У тебя, правда, не будет ленточки, зато я дам тебе имя в качестве компенсации. У остальных имён нет. Хм... будешь Сяо Ба.

Сяо Ба замахал двумя раздвоенными хвостами и, пошатываясь, полез Цуй Сяню на руки. Тогда маленький Цуй Сянь просто затащил всех восьмерых котят к себе под одеяло. Они облепили его со всех сторон, растянулись кто как, тёплые и мягкие, и вскоре он тоже уснул.

Неизвестно, сколько прошло времени, но маленький Цуй Сянь резко проснулся от оглушительного раската грома. Он подбежал к окну и увидел, что за пределами деревни бушуют молнии и гром. Толстые, словно чашечное горлышко, разряды раз за разом точно били в землю вокруг больших деревьев за деревней, образуя подобие прочного, сияющего купола, защищавшего селение.

Жителей в деревне и без того было мало, а сейчас никто тем более не решался выходить наружу. В свете молний за околицей раздался грубый голос, разразившийся бранью:

— Цуй Икунь, старый ублюдок! Я почти пятьдесят лет ждал, чтобы заполучить этот выводок духовных кошек, а ты смеешь перехватывать добычу? Хм, ваш род Цуй теперь и себя-то едва способен защитить, а ещё вздумал посягать на моё сокровище! Тогда не вини меня за жестокость. Я, может, и не могу пробить ваш Гэнлэйский массив, но желающих сделать это хватает - толпой лезут!

Следом небо снова взорвалось громом. Цуй Сянь испугался, прижал к себе так же дрожащих котят и, накрывшись одеялом, забился в угол. Снаружи вскоре послышались хаотичные человеческие голоса, всплески духовной силы от столкновения разных техник; то завывал иньский ветер, то гремел гром.

Подобное Цуй Сянь переживал уже много раз. Каждый раз после таких событий отец и дед были вынуждены снова увозить его и менять место жительства. Пока он об этом думал, во дворе раздались шаги. Сяо Ба, единственный без цветного шнурка, первым вздыбил шерсть и зашипел в сторону двери. Но, увидев высокую фигуру, вошедшую внутрь, Цуй Сянь радостно бросился навстречу.

— Папа, ты наконец вернулся!

Мужчина поднял сына на руки и ласково погладил по голове.

— Несколько месяцев не виделись. Все книги по методам, которые я тебе оставил, уже выучил?

Цуй Сянь давно привык к отцовским «проверкам уроков» и тут же кивнул:

— Ещё двадцать страниц из «Полного собрания заклинаний и талисманов» переписал.

Отец Цуй кивнул и поцеловал сына в лоб.

— Хороший мальчик. Здесь слишком глухо. Папа отвезёт тебя и дедушку пожить несколько дней у тёти в городе.

— Хорошо! Только моих котят тоже надо взять, — сказал Цуй Сянь и маленьким пальчиком указал на восемь комочков, сбившихся позади в кучку.

Для нынешнего положения семьи Цуй такие приметные духовные существа были слишком заметны, чтобы таскать их с собой, но если оставить малышей здесь, они тоже вряд ли выживут. Отец Цуй посмотрел на ожидающие глаза сына и в конце концов вынужден был кивнуть:

— Ладно. Иди, собирай вещи, скоро уезжаем.

Едва Цуй Сяня поставили на землю, как в дверях их дома внезапно появился мужчина с обнажёнными плечами и спиной, по всему телу которого переливались золотое сияние и бесчисленные письмена талисманов.

Отец Цуй обернулся и сложил руки в приветствии:

— На этот раз благодарю почтенного за помощь.

Незнакомец был выше даже отца Цуй. Между бровей у него сиял знак золотого лотоса, а золотистый свет отражался на красивом лице, делая его почти снежно-белым и придавая

необычайно дивный, почти неземной облик. Он не ответил на благодарность отца Цуй, лишь своими глазами феникса смотрел на маленького Цуй Сяня, стоявшего позади.

Даже край его одежды словно источал лёгкий, чистый аромат лотоса. Долго глядя на ребёнка, которого видел впервые, он наконец произнёс:

— Давно не виделись.

После этого их семью ещё бесчисленное множество раз окружали, преследовали и пытались убить. Дед и отец часто велели Цуй Сяню прижимать к себе котят, заворачиваться в одеяло, приседать под корнями большого дерева, закрывать уши и считать. Порой он считал так долго, что уже начинал засыпать, а к тому времени отец заканчивал бой, возвращался с чёрным клинком, с которого ещё капала кровь, и снова уводил его искать новое место для жизни. Из-за бесконечных переездов у маленького Цуй Сяня почти не было друзей. Только восемь котят сопровождали его и скрашивали одиночество.

Но однажды беды избежать всё же не удалось.

Пока отец и дед Цуй вели тяжёлый бой, неподалёку начали кружить две большие чёрные кошки с раздвоенными хвостами, окутанные густой чёрной ци. Стоило котят уловить запах своих родителей, как они тут же стали вырываться из рук Цуй Сяня и побежали к ним. Маленькому Цуй Сяню ничего не оставалось, кроме как броситься следом.

В конце концов отец вытащил его оттуда всего в крови.

Нападавшим оказался практик кривого пути, давно положивший глаз на детёнышей духовных кошек. Он превратил уже погибшую пару взрослых кошек в трупных марионеток и, воспользовавшись природным стремлением котят искать родителей, ударил в самый критический момент. Когда Цуй Сянь очнулся, из восьми котят остался только Сяо Ба - тот самый, у которого не было цветного шнурка на шее. Теперь у него отсутствовал ещё и один хвост, а от тела не осталось ни крови, ни плоти, лишь шкура, пропитанная густой убийственной ци.

Дед сказал, что злодеи попытались превратить всех восьмерых котят в сюаньша, но процесс был настолько мучительным, что выжил только один Сяо Ба. Затем дед велел маленькому Цуй Сяню каждый день питать его шкуру кровью из кончика собственного пальца. Лишь спустя несколько лет внутри Сяо Ба снова начали расти плоть и кровь. Вот только нрав у него стал чрезвычайно свирепым. И лишь после того, как Цуй Сянь долго и терпеливо за ним ухаживал, характер кота понемногу пришёл в норму.

В то время возле нового дома, на задней горе, у него появилось ещё несколько друзей. Правда, было странно, что все они жили под землёй, в небольших могильных холмиках, и выходить

играть могли только по ночам. Маленький Цуй Сянь очень радовался новым товарищам. Куклу, которую подарила ему тётя, он отдал самому близкому другу, и они вдвоём, взявшись за руки, по ночам бродили по диким горным склонам и пели детскую песенку.

«Тряпичная кукла, тряпичная кукла, у меня есть тряпичная кукла, кругленькое личико, красный ротик. Не ест, не пьёт чай, дашь ей конфету - не возьмёт, сидит в сторонке и весело смеётся».

Один за другим обрывки воспоминаний стремительно проносились в сознании Цуй Сяня: радостные, печальные, яркие, смутные. В конце концов всё растворилось в образе окровавленной ладони отца, закрывшей ему глаза. Сияние техники запечатывания души взорвалось у него между бровей. Всё в сознании стремительно отдалилось и исчезло, и лишь у самого уха остался хриплый, прерываемый кашлем с кровью голос отца:

— Хороший мальчик... стань обычным человеком. Живи простой, спокойной жизнью...

Цуй Сянь беззвучно кричал и боролся, пока наконец не вырвался из давнего сна. Он тяжело дышал, а слёзы незаметно промочили волосы у висков. Резко приподнявшись, он с глухим «бум» ударился головой о деревянную доску и тут же, весь обмякнув от боли и слабости, снова рухнул обратно. Вокруг было темно, душно и глухо. Неизвестно откуда протянулась маленькая холодная влажная ладонь, нащупала ушибленное место на его лбу и даже заботливо его потёрла.

Цуй Сянь от испуга подскочил и с ещё одним громким «бум» снова со всей силы врезался головой в доску.

— Кто?!

Тусклые огоньки блуждающего пламени с трудом собрались воедино. Под мерный звук капающей воды рядом с Цуй Сянем показался насквозь промокший ребёнок. Прижимая к груди потрёпанную тряпичную куклу, он послушно сидел на корточках возле него.

Ребёнок поднял куклу и изо всех сил попытался что-то сказать Цуй Сяню, но во рту у него было пусто - языка не было, поэтому не прозвучало ни единого звука. Тогда он возбуждённо принялся жестикулировать обеими руками, и лишь красный рот тряпичной куклы открывался и закрывался, тихо напевая ту самую детскую песенку, которой когда-то научил его лучший друг.

Цуй Сянь вдруг успокоился. Какой бы пугающей ни была картина перед ним, он больше не испытывал паники. Вместо этого он долго смотрел на ребёнка, а затем, будто одновременно смеясь и плача, произнёс:

— Больше десяти лет я жил в тумане и ничего не понимал, а теперь выходит, что вокруг всё это время были старые знакомые.

Ребёнок наконец улыбнулся. Он собрал блуждающее фосфорное свечение на тряпичной кукле, и та медленно раскрыла рот:

— Враг... слишком силён. Я смог только... украсть тебя обратно... в свою могилу. Когда очнёшься... скорее беги. Я долго... не продержусь.

Пока кукла говорила, душа ребёнка уже начинала рассеиваться: он больше не мог удерживать фосфорные огни, и те распадались вокруг него. В тесном, прогнившем гробу Цуй Сянь перепробовал все способы, которые только мог вспомнить, но без магической силы всё оказалось бесполезно.

Ребёнок, прижимая к себе тряпичную куклу, покачал Цуй Сяню головой. С тех пор как тот покинул старую усадьбу рода Цуй, мальчик всё время следовал за ним. В гостинице он даже подрался с чёрной кошкой, но так и не сумел показаться Цуй Сяню. А у храма Туди, когда Цуй Сянь оказался в ловушке, ребёнок ещё в тот миг, когда решил вмешаться, уже знал, что в итоге его душа рассеется.

Но ради друга он ни о чём не жалел.

В отчаянии Цуй Сянь вдруг схватил его холодную, сырую ладонку, задержал дыхание и сосредоточился. Изначальная ци собралась и мощно разлилась по внутренностям, после чего он громко крикнул и, раскрыв рот, изо всех сил втянул воздух вместе с уже распадавшейся на куски душой ребёнка. словно кит, заглатывающий море, Цуй Сянь одним вдохом втянул в себя призрака, который вот-вот должен был окончательно рассеяться.

Вот только навыка ему явно не хватало. Вдох получился слишком долгим: казалось, лёгкие сейчас лопнут, а в голове стоял оглушительный гул.

В этот момент земля вдруг неизвестно почему начала дрожать. От сотрясения через щели в крышке гроба на голову Цуй Сяня мелко посыпалась земля.

А наверху Юань Чжэнчу уже добрался до могильника среди диких гор. Кто-то развернул здесь формацию и при помощи искусства марионеток подчинил неизвестно сколько шакалов, волков, тигров, леопардов, одиноких душ и неприкаянных призраков. Целые стаи и толпы бродили по окрестностям, разыскивая Цуй Сяня.

Юань Чжэнчу не сказал ни слова и просто обрушил вниз удар меча. Но когда он прорвался к самому центру формации, оказалось, что находившийся там человек был лишь оболочкой, которой управляли на расстоянии. Прежде чем Юань Чжэнчу успел его схватить, талисман на спине стремительно вспыхнул, и тело с грохотом разорвало на части, превратив в кровавые ошметки.

Юань Чжэнчу кончиком меча поддел половину фиолетового талисмана, уцелевшую на месте, где только что сгорела оболочка, и слегка прищурил глаза. Это была техника из мира

мистических искусств.

Вот только бой уже закончился, следящий метод указывал, что Цуй Сянь находится совсем рядом, а самого его нигде не было видно.

Спустя мгновение тот окровавленный клочок одежды, который чёрная кошка принесла Юань Чжэнчу, покачиваясь, опустился на небольшой могильный холмик неподалёку. Юань Чжэнчу уже сложил ручную печать и собирался подойти ближе, готовясь при необходимости снова вступить в бой, как вдруг заросшая бурьяном могила с грохотом взорвалась, а тонкая крышка гроба взлетела высоко вверх.

Из могильного холма выбрался не кто иной, как тот самый попавший в беду парень из рода Цуй. Только лицо у него было багровым от напряжения, на шее вздулись жилы, а сам он без конца показывал на свои раздутые щёки и отчаянно жестами просил дать ему какую-нибудь бутылку.

Юань Чжэнчу пристально посмотрел на него и с удивлением обнаружил, что тот действительно держит во рту призрачную душу. Он тут же достал из-за пазухи сосуд для душ и бросил его вниз, в могильную яму. Цуй Сянь неловко, но предельно осторожно собрал в сосуд разрозненные части души ребёнка и только после этого наконец немного расслабился.

Затем он поднял голову.

Стоя в неглубокой могильной яме, Цуй Сянь смотрел снизу вверх на мужчину, за спиной которого сиял лунный свет. Эти глаза, это лицо вдруг поразительно наложились на образ «почтенного» из его воспоминаний - того самого человека, всё тело которого когда-то сияло золотым светом.

Словно сквозь поток прошедших лет и бесчисленные слои тумана, Цуй Сянь невольно спросил:

— Даочжан... эм... а сколько вам в этом году лет?

(ПП: даочжан - даосский священник)

<http://bllate.org/book/18411/1928588>